

Наше сердце

Монт-Ориоль

Ги де Мопассан

НАШЕ СЕРДЦЕ

МОНТ-ОРИОЛЬ

ФТМ

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(0)
М78

*Перевод с французского
Евгения Гунста и Натальи Немчиновой*

Мопассан, Г. де

М78 Наше сердце. Монт-Ориоль / Ги де Мопассан; [пер. с фр. Е. Гунст, Н. Немчинова]. – М. : Т8 RUGRAM / Агентство ФТМ, 2019. – 582 с.

ISBN 978-5-521-74617-0

Ги де Мопассана нередко называют мастером эротической прозы. Он был и остаётся одним из самых читаемых и любимых французских писателей. На его произведениях «Милый друг» и «Пышка» выросло не одно поколение читателей. В двух блистательных и ярких романах «Наше сердце» и «Монт-Ориоль» автор раскрывает глубинную суть любви и отличие истинного чувства от иллюзорного, выставленного на показ в угоду мнению общества.

litagent.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(0)
ВІС FC
BISAC FIC000000

© Т8 RUGRAM, 2019
© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2019
© Перевод. Е. Гунст, наследники, 2019
ISBN 978-5-521-74617-0 © Перевод. Н. Немчинова, наследники, 2019

НАШЕ СЕРДЦЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I

Однажды Масиваль, музыкант, прославленный автор «Ревекки»¹, тот, кого уже лет пятнадцать называли «знаменитым молодым маэстро», сказал своему другу Андре Мариолу:

— Почему ты не попросишь, чтобы тебя представили госпоже де Бюрн? Уверяю тебя, это одна из интереснейших женщин современного Парижа.

— Потому, что я вовсе не создан для этого общества.

— Дорогой мой, ты не прав. Это очень своеобразный, очень современный, живой артистический салон. Там много занимаются музыкой, там ведут беседу не хуже, чем в салонах лучших сплетниц прошлого столетия. Тебя в этом доме оценили бы, — прежде всего потому, что ты превос-

¹ Возможно, вымышленное название было навеяно оперой Фроменталья Леви «Еврейка» (1835). С дочерью композитора госпожой Штраус, вдовой Жоржа Бизе (1838–1875), Мопассана связывали дружеские отношения. Не случайно Эдмон де Гонкур (1822–1896) отметил в своем дневнике (5 июля 1890 г.), что госпожа Штраус, весьма вероятно, послужила Мопассану прототипом Мишель де Бюрн.

ходный скрипач, во-вторых, потому, что там о тебе было сказано много хорошего, наконец, потому, что ты слынешь человеком не банальным и не очень общительным.

Мариоль был польщен, но, все еще противясь и к тому же предполагая, что это настойчивое приглашение делается не без ведома молодой женщины, проронил: «Ну, меня это мало интересует»; и в этом нарочитом пренебрежении уже звучала нотка согласия.

Масиваль продолжал:

— Хочешь, я представлю тебя на днях? Да ты, впрочем, уже знаешь ее по рассказам друзей; ведь мы довольно часто говорим о ней. Ей двадцать восемь лет, это очень красивая женщина, большая умница; она не хочет вторично выходить замуж, потому что в первом браке была крайне несчастлива. Она сделала свой дом местом встреч приятных людей. Там не слишком много клубных завсегдатаев и светских пошляков. Ровно столько, сколько требуется для придания блеска. Она будет в восторге, если я тебя приведу.

Побежденный Мариоль ответил:

— Пусть будет по-твоему. Как-нибудь на днях.

В начале следующей недели композитор зашел к нему и спросил:

— Ты завтра свободен?

— Да... пожалуй.

— Отлично... Пойдем обедать к госпоже де Бюрн. Она мне поручила пригласить тебя. Впрочем, вот и ее записка.

Подумав для приличия, Мариоль ответил:

— Пойдем.

Андре Мариолу было лет тридцать семь, он был

холост, ничем не занимался, был достаточно богат, чтобы позволить себе жить, как ему вздумается, путешествовать и даже собрать прекрасную коллекцию новой живописи и старинных безделушек¹; он слыл человеком остроумным, немного сумасбродным, немного нелюдимым, чуть прихотливым, чуть высокомерным, разыгрывающим отшельника скорее из гордости, чем от застенчивости. Богато одаренный, тонкого ума, но ленивый, способный все понять и, быть может, многое сделать, он довольствовался тем, что наслаждался жизнью в качестве зрителя или, вернее, знатока. Будь он беден, он, несомненно, стал бы выдающимся человеком и знаменитостью, но, родившись богатым, он вечно упрекал себя за то, что не сумел ничего добиться. Правда, он предпринимал ряд попыток, но слишком нерешительных, в области искусств: одну — на литературном поприще, издав путевые заметки, интересные, живые и изысканные по стилю, другую — в области музыки, увлекаясь игрой на скрипке, и тут он приобрел, даже среди профессиональных исполнителей, славу одаренного дилетанта; и, наконец, третью попытку — в области скульптуры, того искусства, где природенная ловкость и дар смело намечать обманчивые контуры заменяют в глазах невежд мастерство и выучку. Его глиняная статуэтка «Тунисский массажист» принесла ему даже некоторый успех на прошлогодней выставке.

¹ Мопассан сам занимался коллекционированием и наделил этой страстью многих своих персонажей. Из его окружения самым знаменитым коллекционером был писатель Э. де Гонкур.

Говорили, что он не только прекрасный наездник, но и выдающийся фехтовальщик, хотя он никогда не выступал публично, вероятно, из-за той же робости, которая заставляла его избегать светских кругов, где можно было опасаться серьезного соперничества.

Но друзья единодушно хвалили и ценили его, быть может, потому, что он не затмевал их. Во всяком случае, о нем говорили как о человеке надежном, преданном, отзывчивом и приятном в обращении.

Роста выше среднего, с черной бородкой, коротко подстриженной на щеках и образующей на подбородке острый клин, со слегка седеющими, но красиво выюющимися волосами, он отличался открытым взглядом ясных, живых карих глаз, недоверчивых и чуть суровых.

Среди его друзей преобладали деятели искусства — романист Гастон де Ламарт, музыкант Масиваль, художники Жобен, Риволе, де Монель, которые, казалось, высоко ценили его дружбу, его ум, остроумие и даже его суждения, хотя в глубине души они с высокомерием людей, достигших успеха, считали его неудачником — пусть очень милым и очень умным.

Его надменная сдержанность как бы говорила: «Я ничто, потому что не захотел быть чем-либо». И он вращался в узком кругу, пренебрегая великосветским флиртом и модными салонами, где другие блистали бы ярче и оттеснили бы его в толпу светских статистов. Он посещал только такие дома, где могли правильно оценить его неоспоримые, но скрытые качества; и он так быстро согласился быть представленным г-же Мишель де Бюрн лишь потому, что лучшие его друзья, те самые, которые всюду рассказывали о его скрытых